

„THE REAL LIFE OF... БОРИС РЫЖИЙ“: О КНИГЕ АЛЕКСЕЯ МЕЛЬНИКОВА «БОРИС РЫЖИЙ. ВВЕДЕНИЕ В МИФОЛОГИЮ»

Аннотация. В статье представлен анализ книги Алексея Мельникова «Борис Рыжий. Введение в мифологию» (2016, 2017) – одной из новейших книг, посвященных поэту и его биографии. Получивший широкую известность в столицах и за пределами России, Б. Рыжий (1974–2001) является культовым поэтом для современной литературной жизни Екатеринбурга. Интерес к истории его жизни наряду с популярностью стихов в широкой читательской аудитории во многом обусловлен тем биографическим мифом, который сформировался вокруг фигуры Рыжего благодаря его жизнетворческим установкам. В отличие от ранее вышедших работ биографического плана – например, «Поэт Борис Рыжий» Юрия Казарина (2009) и «Борис Рыжий. Дивий камень» Ильи Фаликова (2015) – книга А. Мельникова изначально складывалась как сборник интервью и воспоминаний людей, лично знавших поэта; в совокупности эта работа замышлялась в качестве своего рода журналистского расследования, нацеленного на выявление и разграничение фактов и мифов в биографии Рыжего. Однако, ввиду ряда внешних обстоятельств, она была отчасти переформатирована и к моменту выхода приобрела маргинальный, переходный характер, с одной стороны, рудиментарно сохраняя элементы нефикционального жанра, а с другой – на разных уровнях утверждая свою литературность. В статье проводится мысль о возможности двух прочтений книги Мельникова: как нефикциональной и в этой связи вызывающей ряд критических замечаний и как псевдононфикционального повествования, организованного субъективностью Мельникова как героя-повествователя и подчиняющегося глубинному метасюжету «создание книги». Несмотря на то, что литературность книги Мельникова носит кондициональный характер, прочтение ее именно как литературно-художественного произведения, воспроизводящего сюжетную схему биографического детектива и удивительным образом «предсказанного» романом В. Набокова «Истинная жизнь Севастьяна Найта», позволяет говорить о роли А. Мельникова в поле функционирования биографического мифа Б. Рыжего как о культурно и структурно заданной.

Ключевые слова: биографические мифы; культовые поэты; интервью; воспоминания; биографии поэтов; биографические детективы; литературная мистификация; псевдононфикшн; поэтическое творчество; уральские поэты.

Arsenova T. A.
Ekaterinburg, Russia

“THE REAL LIFE OF... BORIS RYZHY”: ON THE BOOK “BORIS RYZHY. INTRODUCTION TO MYTHOLOGY” BY ALEXEY MELNIKOV

Abstract. The article analyzes the book “Boris Ryzhy. Introduction to Mythology” by Alexey Melnikov (2016, 2017) – one of the newest books about the poet and his biography. Widely known in the in Russian capitals and abroad, B. Ryzhy (1974–2001) is a notable figure for modern Ekaterinburg’s literature. The interest to the history of his life, together with the popularity of his poems among readers, is largely due to the biographical myth that has formed around the Ryzhy thanks to his life-giving attitudes. Unlike the previously published biography-like works – for example, “The Poet Boris Ryzhy” by Yuri Kazarin (2009) and “Boris Ryzhy. Divy Stone” by Ilya Falikov (2015) – the book by A. Melnikov was originally developed as a collection of interviews and memories of people who personally knew the poet; generally this work was conceived as a kind of journalistic investigation aimed at identifying and distinguishing facts and myths in Ryzhy’s biography. However, due to a number of external circumstances, it was partly reformatted and acquired a marginal, transitional character by the time of its release, on the one hand, preserving rudimental elements of the non-fiction genre, and on the other, claiming its literary character at different levels. The article presents the idea of the two possible ways of reading Melnikov’s book: as a nonfiction, therefore provoking a number of critical remarks, and as a pseudo-nonfictional narrative, organized by Melnikov’s subjectivity as a narrator, obeying the deep level of the story creation. Despite the fact that the literary character of Melnikov’s book is conditional, reading it as a literary and artistic work that reproduces the plot of a biographical detective, surprisingly “predicted” by V. Nabokov’s novel “The Real Life of Sebastian Knight”, suggests that Melnikov’s role in the functioning biographical myth of B. Ryzhy is culturally and structurally given.

Keywords: biographical myths; cult poets; interview; reminiscences; poets’ biographies; biographical detective novels; literary mystification; pseudo-non-fiction; poetic activity; Urals poets.

Для цитирования: Арсенова, Т. А. «The Real Life of... Борис Рыжий»: о книге Алексея Мельникова «Борис Рыжий. Введение в мифологию» / Т. А. Арсенова // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 78–89. DOI 10.26170/FK19-02-10.

For citation: Arsenova, T. A. “The Real Life of... Boris Ryzhy”: on the Book “Boris Ryzhy. Introduction to Mythology” by Alexey Melnikov / T. A. Arsenova // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 78–89. DOI 10.26170/FK19-02-10.

...Живешь – не видят и не слышат.
Умри – достанут, перепишут.
Разрушат и воссоздадут.
Дом перестроят вплоть до крыши
и жить туда с детьми придут.

Б. Рыжий, «Памяти И. Б.»

...Он был лишь отзвуком некоей возможной истины, во время напомнившим: не очень-то доверяй сведениям о прошлом, услышанным из уст настоящего. Остерегайся и самого честного посредника. Помни, что добытое тобою знание – с тройным дном: повествователем сшито, слушателем переброшено и от обоих сокрыто покойным героем повести.

В. Набоков, «Истинная жизнь Севастьяна Найта»

Сегодня вряд ли кто-то стал бы оспаривать отнесение Борис Рыжего – одного из самых читаемых поэтов современности – к категории «людей с биографией»¹ или отрицать его право на писательскую биографию как особого рода культурный текст, подлежащий тщательному исследованию и детальному воссозданию. Как утверждает Б. В. Томашевский, «для писателя с биографией учет фактов его жизни необходим, поскольку в его произведениях конструктивную роль играло сопоставление текстов с биографией автора и игра на потенциальной реальности его субъективных излияний и признаний. Но эта нужная историку литературы биография – не послужной список и не следственное дело, а та творимая автором легенда его жизни, которая единственно и является литературным фактом» [Томашевский 1923: 9].

Работа, направленная на утверждение собственно писательского статуса – а вместе с ним и перспективного «права» на литературную биографию, – была начата Рыжим еще в середине 1990-х гг. и заключалась в сознательном формировании мифа об амбивалентной личности – начитанном поэте, выходе из бандитских кварталов промышленной окраины Свердловска, «своем среди чужих, чужом среди своих». Одним из множества характерных примеров подобной самопрезентации может служить интервью «Независимой газете», в котором Рыжий отчасти утрирует реальные факты собственной биографии. «– Я десять лет живу в доме, где 90 процентов жильцов – бывшие заключенные², – говорит Рыжий. – <...> Что-то в этом мире есть. Он очень повлиял на мое формирование. Но при этом я читал Пастернака. Интересно, что в этом не было противоречия. Ко мне приходили Череп, безногий Колян, мы играли в карты, потом они уходили, и я читал Пастернака. Я вел абсолютно хулиганский образ жизни...» [Шаповал, Рыжий 2000].

По замечанию Д. М. Магомедовой, источниками биографического мифа – наиболее распространенного предмета актуальных исследований писательской биографии – выступают, во-первых, «quasi-биографические сочинения: „исповеди“, „признания“, „дневники“, „путевые записки“, письма, интервью, а также рассыпанные в текстах биографические намеки. При этом лирическим стихотворениям принадлежит роль, сравнимая только с документальными текстами», во-вторых – «сопровожающие писателя атрибуты его литературной репутации: культурно значимые жесты, „отмеченные“ в сознании современников поступки, анекдоты, слухи и т. п.» [Магомедова 2005: 66]. В случае Рыжего выстраивание собственного биографического мифа происходило, соответственно, как на уровне сознательного конструирования целостного художественного мира³,

столь соблазнительно рифмующегося с ключевыми координатами жизни самого автора, так и в сфере литературного быта: это – нередко эпатажирующее поведение в литературных кругах⁴, прежде всего провинциальных, налаживание связей с признанными столичными поэтами старшего поколения и т. д.

На сегодняшний день среди исследователей жизни и творчества Б. Рыжего эти вещи общеизвестны. Имеет смысл разве что специально отметить: вопреки бытующему – особенно в литературных метрополиях – мнению, установка Рыжего на своего рода «самосочинение» имела результаты и начала осмысляться критикой еще до его внезапного добровольного ухода из жизни в мае 2001 г. В подтверждение тому можно привести слова О. Славниковой из статьи о Рыжем 2000 г.: «...А все-таки есть в литературе примеры, когда молодой писатель, не уповая (и правильно делая) на большие продвижения в зрелые годы, ничего ... не откладывая в долгий ящик, сразу создавал такое, что уже исключало всякие сомнения в принадлежности его к высоким классикам. <...> Предупреждая упреки, скажу, что я стасовала вместе Лермонтова и Рыжего не потому, что готова скрытно и за счет ресурса классики досрочно произвести Бориса в гении (хотя в глубине души надеюсь на хорошую для него перспективу). Речь идет о технических возможностях для молодого писателя сразу, без никаких причин, *делать литературу*. Стихи Бориса Рыжего всего лишь подтверждают, что такая возможность со времен Михаила Лермонтова не утрачена» [Славникова 2000].

Следует отметить, что «объективных» источников, к коим Б. В. Томашевский относит автобиографические записки (в том числе дневники) и переписку (см.: [Томашевский 1990: 51]), для реконструкции не столько хроники жизни, сколько собственно писательской биографии⁵ в случае Рыжего немного: нет дневников⁶, а из всего эпистолярного корпуса доступны лишь переписка с Александром Кушнером и Еленой Невзгладовой (Ушаковой), Кейсом Верхейлом [Рыжий 2004: 507–520, 491–506], Ларисой Миллер [Рыжий, Миллер 2003]⁷. Известно, что существует большая, многолетняя переписка с поэтом Александром Леонтьевым (на что указывали А. Пурин и, косвенно, О. Дозморov, см.:

дельности, а создавал, или (если взять его собственное слово из письма А. Кушнеру) *конструировал мир*» [Дозморov 2015: 129] (здесь и далее курсив в цитатах наш). Более подробно об этом см.: [Казарин 2016: 180, 188].

⁴ То, что в разговоре о Рыжем неоднократно было названо «есениничеством» (см., напр.: [Казарин 2016: 124]) и являлось продолжением сложившегося еще в начале XX в. типа поведения «писателей с биографией – демонстративно выкрикивавших: смотрите, какой я нехороший и бесстыдный. <...> Это была реакция на сладковатого „хорошего человека“» [Томашевский 1923: 8]. Как отмечал в 1950-е гг. В. Ф. Марков, «Есенин закрепил в богеме наиболее модное направление – говоря советским жаргоном – „бытового разложения“. В этом смысле Есенин (а не Маяковский) до сих пор определяет тип советского поэта и писателя» [Марков 2017: 331].

⁵ Об отличии хроники жизни и деятельности от собственно биографии см., напр.: [Рейтблат 2014: 179].

⁶ Неоконченный текст Рыжего, известный сегодня под названием «Роттердамский дневник» и впервые опубликованный наследниками («Знамя», 2003, № 4), определяется исследователями как псевдо-non-fiction, «лирический роман либо роман-эссе со значительной долей автобиографического начала» (см.: [Тагильцев 2009: 141, 145]).

⁷ Опубликованы также два письма Рыжего к Михаилу Окуню [Окунь 2010]; 16 писем к Алексею Кокотову временно появились в сети [Travellersjoy 2013].

¹ См. известное высказывание Ю. М. Лотмана, сформулированное вслед за Б. В. Томашевским: «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели „людей без биографии“ и „людей с биографией“» [Лотман 1992: 365].

² Среди соседей семьи Рыжих, проживавших в 1980–1991 гг. в свердловском районе Вторчермет, действительно были бывшие заключенные (см.: [Мельников 2017: 24]), однако на момент записи интервью Рыжий не жил в этом доме уже 9 лет.

³ Как пишет Олег Дозморov, знавший «творческую кухню» Рыжего изнутри: «Одна из важных черт его – он не писал стихи по от-

[Пурин 2016; Дозморов 2006]), вероятно также – какие-то письма О. Дозморову, однако по понятным причинам эти тексты пока не подлежат обнародованию. Таким образом, очевидная недостаточность объективных источников – наряду с сознательной установкой поэта на «самосочинение» – выступает еще одним фактором неиссякаемого интереса к истории жизни Рыжего и формирования полупоэтического текста его литературной биографии, отдельные участки которой вполне ожидаемо оказываются на поверку слухами и домыслами, заполняющими «лакуны».

На данный момент история жизни Б. Рыжего нашла отражение в ряде объемных публикаций. Так, спустя два года после его гибели отдельным изданием вышли заметки из дневника преподавателя Горной академии и старшего товарища Рыжего, поэта-барда Алексея Кузина «Следы Бориса Рыжего» [Кузин 2003]. Эта книга ценна различного рода сведениями из студенческой жизни Бориса и начального этапа его творчества, в целом представляют взгляд на Рыжего-поэта в его становлении с позиции литературных кругов и объединений тогдашнего Екатеринбурга. Годом позже в составе объемного сборника произведений Рыжего «Оправдание жизни» была напечатана работа екатеринбургского поэта и филолога Юрия Казарина «Поэт Борис Рыжий: постижение ужаса красоты» [Рыжий 2004: 521–814] – сокращенный вариант его монографического исследования, вышедшего отдельными книгами в 2009 и 2016 гг. [Казарин 2009, 2016]. Этот большой труд, будучи подготовленным на основе бесед автора с родными, друзьями Рыжего и работы с его архивом, включает историю семьи поэта и поэта – в семье; повествование о становлении мироотношения Рыжего через призму достаточно широких рассуждений о Поэте как таковом, а также очерк генезиса поэтики Рыжего, в реконструкции которого Казарин во многом опирается на свидетельства О. Дозморова. Книга также оснащена хроникой трудов и дней Рыжего и списком его прижизненных публикаций. В 2015 г., по горячим следам 40-летнего юбилея поэта, в биографической серии «ЖЗЛ» вышла книга московского поэта и эссеиста Ильи Фаликова «Борис Рыжий. Дивий камень» [Фаликов 2015] (сокращенный вариант: «Дружба народов», 2015, № 4), которая также совмещает в себе историю частной жизни и очерк творчества поэта, включая хронику жизни и, дополнительно, ключевые события его посмертной судьбы. Будучи написана в свободном «литературно-критическом» стиле, а потому легко читаемая, эта работа во многом компилятивна (см.: [Комаров 2016]), однако, в отличие от биографической части книги Ю. В. Казарина, не обходит некоторых «острых углов» – темы лечения от алкогольной зависимости, а также перипетий семейной жизни Рыжего последних лет. Помимо указанных книг в этом ряду дополнительно можно упомянуть прозу Олега Дозморова «Премия „Мрамор“» [Дозморов 2006]. Прочитываемая как «отклик» на «Роттердамский дневник» Рыжего и будучи прекрасным образцом своего рода исповеди в кабинете психотерапевта под названием «литература», она объемно и живо запечатлевает взаимоотношения друзей-соперников – своеобразных Шерлока Холмса и доктора Ватсона от поэзии.

Все перечисленные работы – вопреки краткости жизни их центрального героя – содержат довольно богатый набор разнообразных биографических сведений о Рыжеме. Тем не менее, интереса к его фигуре со стороны достаточно широкой (не только профессиональной литературной) аудитории они не исчерпывают, и следует признать наличие подспудного ощущения настоящей недостаточности этих публикаций для прояснения всех обстоятельств жизни поэта. Объясняется это, очевидно, той *интригой*, которая во многом определяет феномен Бориса Рыжего в сфере читательского сознания, – загадкой внезапного, хотя и предсказанного в стихах, добровольного ухода из жизни молодого и талантливого поэта на самом пике известности. Загадкой, не имеющей сколько-нибудь исчерпывающего ответа, тем не менее, довольно ясно указывающей на его локализацию: то, что главный «нерв» феномена Рыжего располагается где-то на стыке частной и творческой биографии поэта – на границе, условно говоря, жизни и литературы, – интуитивно понимают почти все исследователи¹.

Так или иначе встающая в ряд названных выше публикаций книга Алексея Мельникова «Борис Рыжий. Введение в мифологию» отчасти работает на прояснение биографии поэта, хотя и привлекает для этого самый ненадежный источник – воспоминания. Вышедшая в 2016 г., на волне издательского оживления, сопровождавшего 40-летие Рыжего², к настоящему моменту она выдержала три переиздания (второе – фактически допечатка тиража, третье – исправленное и дополненное). Эта работа представляет собой результат более чем десятилетнего сбора А. Мельниковым различного рода воспоминаний и свидетельств о поэте. Главы этой книги, подготовленные на материале записей воспоминаний, интервью и переписки с людьми, лично знавшими Рыжего с той или иной степенью близости, разрозненно печатались в отечественных и зарубежных периодических изданиях в 2011–2013 гг. Первым таким опытом была публикация воспоминаний Сергея Лузина, Ирины Князевой, Алексея Кузина, Дмитрия Рябоконя, Олега Дозморова и Натальи Смирновой под заголовком «Вспоминая Бориса Рыжего» в майском номере журнала «Урал» за 2011 г. [Вспоминая... 2011], в мемориальном разделе «Борис Рыжий: 10 лет спустя», приуроченном к десятилетию гибели поэта. Помимо материалов Мельникова в него входили выполненные Александром Верниковым переводы 5 стихотворений Рыжего на английский язык и сканы разворотов его единственной прижизненной книги «И всё такое...» (2000) с авторскими пометками на полях (экземпляр Ирины Трубецкой). Сегодня с официального сайта журнала этот раздел полностью удален

¹ Так, в одной из недавних статей Ю. В. Казарин и И. К. Мухина пишут: «Человек убил поэта или поэт убил человека, вот главная загадка этой трагической жизни, любви и смерти» [Казарин, Мухина 2017: 8].

² В 2015–2016 гг. на книжных прилавках появились три отдельных издания – книга И. З. Фаликова [Фаликов 2015], дополненное переиздание монографии Ю. В. Казарина [Казарин 2016] и сборник филологических статей «Борис Рыжий: поэтика и художественный мир» (2015, испр. изд. – 2016), подготовленный по итогам научной конференции «Творчество Бориса Рыжего и современная русская поэзия» (Екатеринбург, 19 декабря 2014 г.).

(его нет как в полнотекстовом формате, так и в содержании выпуска, хотя он упомянут в аннотации номера; см.: [Урал 2011, № 5]) и сохранился лишь на сайте «Журнального зала». Большинство позднейших публикаций Мельникова в периодике постигла та же участь – они были впоследствии сняты по настоянию семьи Рыжего. С 2013 г. самиздатовские варианты книги время от времени появлялись в екатеринбургских книжных магазинах и на прилавках книжных ярмарок (напр.: [А. М. 2012]), неизменно встречая негативную реакцию родных и ближайших друзей Рыжего, закономерно стремящихся защитить память о Борисе от искажений, скандальных слухов и домыслов. Так, в переписке с И. Фаликовым, который в то время работал над своей книгой «Дивий камень», ближайший друг Рыжего О. Дозморов говорит о принципах работы Мельникова следующее: «Мельников задавал вопросы и, как мне кажется, расшифровывал с установкой на поиск некоей „правды“, как он ее понимает. Понимает он эту правду низко, на уровне „пил, дрался, совершал неприглядные поступки“. У него не вранье, а часть правды, что даже хуже вранья. <...> Он искал скандальные подробности, действовал вне этики. Он посылал тем, кого интервьюировал, то, что говорили о них другие, провоцировал, интриговал. Тексты интервью он не заверял и распространял вопреки запретам'. <...> В общем, я думаю, что собирательно Мельников – это такая часть культуры, которая еще напишет своего „Анти-Рыжего“. Борис отверг его стихи, когда работал в „Урале“» [Фаликов 2015: 120].

Являясь, с определенной точки зрения, плодом морального нигилизма, книга А. Мельникова, тем не менее, заслуживает отдельного рассмотрения и комментария на правах состоявшегося литературного факта.

Первое и главное, что бросается в глаза при знакомстве с этой книгой – ее явная *маргинальность*. Отчасти она обусловлена отсутствием внятного предисловия и не вполне адекватным заголовком «Введение в мифологию», который в сочетании с аннотацией издания («...Мельников исследует и пытается раскрыть сложную и противоречивую натуру... Рыжего») отсылает к формату если не учебного пособия, то научного или научно-популярного издания, освещающего в самых общих чертах теоретическую сторону проблемы – в данном случае это могла бы быть проблема персональной мифологии на материале жизни и творчества Бориса Рыжего – чего в книге Мельникова нет. Второй эпизод, научно-образно озаглавленный «Суицид Бориса Рыжего как эстетический феномен», объединяя неуверительные догадки о спланированности его ухода, также элементом научного исследования не является. В этом

¹ Искажение текста воспоминаний в ходе расшифровки аудиозаписи и его последующая публикация вопреки воле интервьюируемого – основные претензии к Мельникову, предъявляемые Ольгой Рыжей, сестрой Бориса. Несмотря на то, что официально ее позиция нигде опубликована не была, она зафиксирована в социальных сетях: «Как он стал „рыжеведом“? <...> Пришел ко мне домой под предлогом, что в „Урале“ его считают главным знатоком творчества Бориса (соврал, как потом выяснилось). Я кое-что рассказала, дала контакты друзей Бориса. Когда прочитала готовый текст, попросила ничего не публиковать, он обещал. Потому что парень ничего не понял, все переврал, да и языком русским не владеет. Но, увы! Опять соврал. Опубликовал» [Родыгина 2013].

смысле данная книга может быть названа скорее «Материалами к мифологии». Главная же причина маргинальности кроется в невыраженности единой цели и, как следствие, жанровой неопределенности книги. Основной ее текст, состоящий из двадцати глав, за исключением последней (байки-«апокрифы» о Рыжеме), представляет собой запись воспоминаний информантов Мельникова либо более или менее развернутые диалоги с ними, т. е. нонфикциональный жанр, предполагающий реалистичное и документально точное изображение героя и связанных с ним событий через призму взгляда рассказывающего, – чем, как представляется, эта книга и призвана привлечь широкую читательскую аудиторию. Однако те же двадцать, точнее – девятнадцать глав оказываются заключенными в составляющий «раму» паратекст, к которому примыкает и XX глава: прологи, эпилоги и приложения – текст разноплановый, неоднородный по составу и своим задачам, но в общем – проводящий мысль (а местами на ней настаивающий) о фикциональной природе всей книги как произведения в целом. Так, в «Прологе 2. Мифы» с самого начала заявляется: «Мифы, а не факты! Именно так, любезный читатель, именно так. Перед тобою – отнюдь не биография поэта Бориса Рыжего. Это скорее художественное произведение, нежели документальное повествование. Если нужна аналогия, тогда этот текст – скорее „Капитанская дочка“, чем „История Пугачева“...» [Мельников 2017: 12]².

Очевидно, на то же утверждение вымышленности рассказываемых историй из жизни Рыжего работает своеобразная зашифровка и – в результате для большинства читателей – анонимизация информантов Мельникова, появившаяся в позднейших публикациях его материалов (см., напр.: [Мельников 2013]; ни в «Урале», ни в самиздатовской брошюре 2012 г. имена родных, друзей и знакомых поэта скрыты не были: [Вспоминая... 2011; А. М. 2012]). В издании 2016 г. почти все имена, в том числе упоминаемых в третьем лице, скрыты за двумя инициалами (как правило, имени и фамилии), хотя для читателей, знакомых с ближайшим окружением Рыжего если не лично, то хотя бы по ранее вышедшим биографическим изданиям Казарина, Фаликова и др., часть лиц вполне опознаваема. Например, «О. Р.» (гл. I) – Ольга Рыжая, сестра; «И. К.» (гл. V) – Ирина Князева, вдова; «О. Д.» (гл. XII) – Олег Дозморов, поэт; «Е. Т.» – Елена Тиновская, поэт (упоминается в ряде глав); и т. д. Другая часть имен – восстанавливается по предшествующим публикациям материалов Мельникова в периодике или самиздате; например, «Л. И. П. и А. Н. И.» (гл. VI) – Людмила Ивановна Позднякова и Альбина Николаевна Инёшина из институтского лито «Горный родник» (см.: [Борис Рыжий. Вспоминают очевидцы 2012; А. М. 2012: 78]). В различной мере опознаваемы из контекста и другие «зашифрованные» имена собственные – названия журналов («Рифей», «Журнал» – «Урал»; «Толстый Журнал» – «Новый мир»; «Я. П.» – «Я покупаю»), городов

² Далее книга Мельникова цитируется с указанием страницы в скобках по третьему изданию (2017), постраничная пагинация в котором повторяет издание 2016 г. за исключением добавленного в конец книги раздела.

(«Горький-на-Волге» – Нижний Новгород), прозвища (Галл – *Кельт*, екатеринбургский писатель А. С. Верников) и др. Впрочем, строго говоря, прием «зашифровывания» проведен в книге непоследовательно и подчас откровенно механистично.

Важно подчеркнуть: прежние заголовки, под которыми выходили материалы, собранные Мельниковым, – «Вспоминая Бориса Рыжего», «Борис Рыжий. Вспоминают очевидцы» – акцентировали отнюдь не вымышленность их содержания. Очевидно, попытка перевести сборник воспоминаний в статус литературно-художественной книги, повествование которой основано на вымысле, обусловлена исключительно внешними факторами, о которых сказано выше. Это решение оказалось для Мельникова единственным способом формальной легитимации своей работы, что открывало перспективу сотрудничества с издательством и печати ее в виде книги, а также отчасти «литературно оправдывало» ту субъективность Мельникова-интервьюера, на которую указывал в письме Фаликову Дозморов, придерживающийся достаточно четкой позиции: «Я бы выбрал правду стихов, а не бытовую правду. Мне кажется, последняя все запутывает» (цит. по: [Фаликов 2015: 119–120]). Совпадая во взглядах с Б. В. Томашевским¹, О. Дозморов примерно о том же пишет и в письме Мельникову: «...Есть низкие истины, которые мы принимаем за правду. Пил, дебоширил, не выносил мусор у родителей, творил миф. И есть настоящая истина, которая засыпана этими сведениями (в книге „Поэт Борис Рыжий“, там тоже, кстати, перебор с ними): к нам приходил большой поэт с человеческой трагедией. <...> Будьте выше и чище этого. <...> Знать, каким был Борис, не значит знать, как он ел, спал, как его кормили и т. д. Это вообще не из области информации. Это из области музыки» (181, 182). Этот призыв Дозморова адресатом игнорируется, а полный текст его письма оказывается включен в состав книги, дополнительно акцентируя субъективность Мельникова, сравнимую с субъективностью литературного героя-повествователя. Вместе с тем, будучи размещен в качестве полемиического комментария к воспоминаниям А. В. и И. Т. (А. Верникова и И. Трубецкой, гл. XV), текст Дозморова не только подвергает сомнению их правдивость и вносит драматическую ноту, но в целом ставит под вопрос внелитературную прототипичность этих респондентов, переводя их в разряд вымышленных персонажей² полифонического романа.

¹ «Лирика – вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь – ненадежный материал. Но еще менее надежным материалом являются многие мемуары <...> Если сопоставить лирику с такими „объективными“ источниками, то еще неизвестно, на чьей стороне будет перевес в исторической достоверности» [Томашевский 1990: 50, 51].

² Характерно, что предшествующая книге публикация Мельниковым в периодике текста, составившего затем гл. XV, сопровождается предупреждением: «Текст, фрагмент которого мы сегодня публикуем, сам автор определяет как скорее художественное произведение, нежели документальное повествование. Человек, выступающий здесь в роли анонимного мемуариста, действительно существовал, жил в Екатеринбурге, писал стихи и тесно общался с Б. Рыжим. Их отношения реконструированы А. Мельниковым по рассказам земляков-уральцев, в числе которых уже ушедшие поэты А. Азовский, М. Анкудинов, Н. Ашатаян, Н. Мережников, А. Решетов, В. Станцев, Р. Тягунов, художник Б. У. Кашкин, прозаик А. Чуманов, драматург А. Чичканова. Данный текст – некая сумма их устных рас-

Если не брать во внимание очерченную выше и широкому читателю не известную историю книги Мельникова, то можно прочесть ее действительно как нефикциональную, однако с рядом критических – подчас разгромных – замечаний, главное из которых будет касаться активно занимающей Мельникова проблемы *вымышленного*.

Строчки самого Рыжего «...меж правдою и вымыслом слоняться...» вполне могли бы послужить эпиграфом к «Введению в мифологию»: именно динамическая оппозиция *реального* и *вымышленного* в ее искаженном, бытовом понимании как *истинного* и *ложного* становится в книге ведущей. И если в отдельных случаях через ее призму рассматриваются элементы биографического плана (так, например, замечание Алексея Кузина в гл. VII: «По-моему, Боря был очень не уверен в себе... Он всех и всегда спрашивал: хороши ли его стихи? <...> С Олегом мы давно хотели познакомиться Бориса. А тот все отказывался, поскольку знал силу Олега» (106) – Мельников «проверяет» на достоверность у самого О. Дозморова в гл. XII: «Верно ли что вы оба – долго не хотели знакомиться? – Скорее, не было okazji. Наши круги общения почти не пересекались, хотя мы знали о существовании друг друга» (147)), то чаще всего в фокусе истинного / ложного у Мельникова оказываются явления собственно литературные. Он словно бы скидывает со счетов саму природу литературной реальности, явление литературного вымысла, а также наличие жизнетворческих устремлений поэтов и писателей в целом, определяя их как «ложь». Хотя некоторые комментарии реально-биографического плана к стихам Рыжего можно счесть вполне уместными и ценными с точки зрения психологии творчества, как, например, уточнение Ирины Князевой (гл. IV) относительно умершей школьницы Эли, которой посвящены «Элегия Эле», «Во-первых, -вторых, -четвертых...», «Стань девочкою прежней с белым бантом...» и др. тексты Рыжего: «Эля была моей, а не его одноклассницей. И умерла она – не за год до выпускного класса, а через год после него. Занесли какую-то инфекцию – в районной больнице. Просто Эля была первой, кто умер из наших ровесников...» (80), то иллюстрация утверждения Ирины «Врал Боря всем и всегда. Точнее говоря, не врал, а фантазировал...» (12) рядом конкретных стихотворений Рыжего, в которых он, так сказать, грешит подтасовкой фактов собственной реальной биографии, выглядит обескураживающе. Из подобного рода уличений полностью составлен «Пролог 2. Мифы»; один характерный пример: «„Каждый год наступает зима. / Двадцать раз я ее белизною / был окутан...“ – цитирует стихотворение Рыжего 1996 г. Мельников, указывая на то, что родился поэт, как известно, 8 сентября 1974 г., – „Следовательно? Ранее 1996 года он уже „белизною был окутан“ не 20 раз – а 22 раза» (13). В том же ключе звучат явные или скрытые апелляции к конкретным стихотворениям Рыжего в последующих главах: например, в гл. XI Мельников и В. Б. (екатеринбургский писа-

сказов, поэтому „воспоминатель“ остается неназванным» [Мельников 2013: 194]. И хотя список имен побуждает счесть данное предисловие мистификацией Мельникова, оно, тем не менее, бросает достаточную тень сомнения на фигуры А. В. и И. Т. в перспективе книги.

тель Владимир Блинов) построчно «сверяют с реальностью» стихотворение «Памяти друга», посвященное Ю. Л. Лобанцеву – наставнику Рыжего по лито «Горный родник» (см.: (140–141)), а в гл. VI Мельников задает вопросы Л. И. Поздняковой, преподавателю Горного института, в котором учился Рыжий, очевидно, «проверяя на документальность» стихи Рыжего «Я работал на драге в поселке Кытлым...» («А еще я ходил по субботам на танцы / и со всеми на равных стройбатовец бил») и соответствующий эпизод из «Роттердамского дневника»: «Драки на практике случались? – Сколько я ездила – ни одной не было! Даже деревенские не дрались... – Слухи о драках – есть, фактов по дракам – нет? – Боря-студент драчуном не был. Был он адекватным и уважительным...» (94). Кроме того, представляется, что и каждое предпосланное очередной главе стихотворение Рыжего функционирует в книге исключительно утилитарно: в качестве иллюстрации или к конкретному этапу жизни поэта, или к его взаимоотношениям с респондентом.

Глубинный механизм подобной страсти сверять поэтические тексты, условно говоря, с жизнью в работе Мельникова не отрефлексирован, однако с внешней, исследовательской точки зрения он объясним сочетанием автобиографичности и повышенной референциальности лирических текстов Рыжего с *культуросностью* его фигуры и стихов. Говоря о феномене литературного культа применительно к текстам, С. Н. Зенкин пишет, что осуществляемое культурой наделение текста высоким квазисакральным достоинством является одновременно и его деструкцией. Один из способов такой деструкции – нарушение границы между вымыслом и реальностью: «...встречаются случаи, когда содержание внутреннего мира произведения как бы перехлестывает границы текста и прорывается в реальную действительность. Формы такого процесса могут быть разными»; к их числу относится, в частности, «комментирование, составление словарей – вообще всевозможная металитературная деятельность»¹ (см.: [Зенкин 2011: 135, 136, 138]).

Следует, однако, отдать автору «Введения в мифологию» должное: за годы интереса к фигуре Бориса Рыжего ему удалось выявить и обозначить те или иные лакуны или «темные места» в хронике его жизни, имеющие и небытовой характер. К ним относятся не только, например, неподтвержденные сведения об инфаркте отца, Б. П. Рыжего, случившемся в один из самых насыщенных для Рыжего годов (1991) и грозящем повториться² (см.: «Пролог 1. Факты» (6)), но и короткая история его сотрудничества в журнале «Урал». Широкому

читателю она может быть известна «в свернутом виде» по эпизоду из «Роттердамского дневника» Рыжего: «...Коля (Н. В. Коляда, гл. ред. „Урала“ в 1999–2010 гг. – Т. А.), вместо привет, швыряет мне чуть ли не в лицо какую-то рукопись. – Забирай своего Уфлянда, – кричал Коляда, – мы серьезный журнал. / Я повернулся и ушел. Пошел в родительскую квартиру, благо все жили в саду, пил неделю. Полез на антресоли за пистолетом, сорвался, грохнулся на пол. Полежал немного, встал. Разгрыз безопасный пластик „Жиллетта“, набрал воды, лег в одежде и – где резать? – пластанул чуть выше запястья, закрыл глаза, успокоился...» [Рыжий 2004: 409]³. Дотошному сопоставлению различных показателей сотрудничества (или не-сотрудничества) Рыжего с «Уралом», а также хронике его прижизненных и посмертных публикаций на страницах этого журнала Мельников отводит целую главу в третьем, дополненном, издании своей книги – «Борис Рыжий vs журнал „Урал“» (268–283). Помимо желания собрать и упорядочить все детали эпизода жизни Рыжего Мельниковым движет стремление на тех же фактах доказать, что Рыжего как автора и литсотрудника в екатеринбургском журнале не замечали и не ценили, предпочитая печатать местных графоманов, причем неявной подоплекой этого стремления оказывается «роковая роль» «Урала» в творческой биографии самого Мельникова: «Мою рукопись для „Журнала“ („Урала“. – Т. А.) сократили почти в полтора раза!» (211), – сообщает он Н. С. (Наталье Смирновой, гл. XVII), затем, как известно, материал и вовсе сняли с сайта.

В целом же появление в позднейшем издании книги таких глав, как «Борис Рыжий vs журнал „Урал“» и «Борис Рыжий. В кварталах дальних и печальных...» (286–290) – последняя посвящена скрупулезному поиску ошибок и недочетов, допущенных в московском издании 2012 г., а также сверке вошедших в него вариантов стихотворений с опубликованными ранее – свидетельствует об объективно назревшей необходимости рассмотрения творческого наследия Б. Рыжего как текстологической проблемы, требующей адекватного научного комментирования. Вместе с тем указанные главы демонстрируют дилетантизм Мельникова в вопросе существования вариантов и редакций текста, а также незнание принципов работы редакции «толстого» журнала – сроков формирования выпусков и сути внутреннего рецензирования.

В соединении с прочими примерами «невежества» автора-расследователя (смешением понятий «мифа»,

¹ Показательным примером того же порядка может быть назван заглавный, но не состоявшийся вечер в Библиотеке им. Белинского «Поэт Борис Рыжий: стихи, мифы, факты». В его программе значилось: «...Алексей Мельников постарается восстановить историю создания каждого текста, обнаружить в них автобиографические мотивы, прояснить угодившие в рифмованные строки реальные эпизоды, непосредственным участником которых был Рыжий...» [«Просканируют» стихи... 2013]. См. об этом вечере также в третьем издании: (301–302).

² Это событие частной жизни не заслуживало бы специального внимания в перспективе писательской биографии Рыжего, если бы отдаленно не звучало в подтексте одного из лучших его стихотворений – «А иногда отец мне говорил...», а также явно – в прозе «Роттердамский дневник» (см.: [Рыжий 2004: 399–400]).

³ Скорый разрыв с «Уралом» был по-разному представлен Рыжим в письмах: «Я из „Урала“ ушел именно по той причине, что редакция трусит печатать оригинальные интересные вещи. Коляда, редактор, приглашая меня на работу, обещал полную свободу. Я, понятно, навывпрашивал кучу материалов, а потом выяснилось, что наши с главным представлением о свободе головокругительные ни совпадают. И если бы у него была какая-то литературная концепция! Нет, он боится людей из местного управления культуры, которые имеют отношение к финансированию журнала. <...> провинция – такое дерьмо. Какие бы возможности самые головокругительные ни появлялись, все коту под хвост. Из „Урала“ можно было сделать настоящий журнал, все было. Деньги, коллектив, авторов – армия, выбирай не хочу» (А. Кокотову [Travellersjou 2013]); «...Что нового? Из „Урала“ уволили за пьянку... (и к лучшему!)» (М. Окуню [Окунь 2010]) – последняя версия, очевидно, вписывалась в разыгрываемый перед иными образ анархичного, безытного поэта. См. также взгляд на историю с «Уралом» А. В. Кузина: [Кузин 2003: 83–85, 92].

«вымысла», «слухов», «неточности», «ошибки» и т. д.), с его яростным буквализмом и формализмом эти моменты, с одной стороны, работают на создание негативного впечатления от книги и побуждают к активному читательскому отклику, в особенности от лица профессионального литературного сообщества (см., напр., рецензию на первое издание: [Кутенков 2016]). С другой же стороны, нагнетаемая, провокативная субъективность автора «Введения в мифологию», выдвижение его фигуры на передний план как на уровне паратекста книги, так и в ряде глав основной части, наряду с экспликацией глубинного сюжета – метасюжета «создание Книги» – в третьем издании в виде главы «Алексей Мельников. История с мифологией» (291–312) позволяют рассматривать ее действительно как литературно-художественное произведение, лишь в ряде формальных элементов с различной мерой условности имитирующее или рудиментарно воспроизводящее приметы нонфикциональных жанров. В данном режиме чтения своеобразное полифоническое повествование Мельникова предстает продуктом дискурсивного монтажа – соединения различных дискурсов (интервью, воспоминания, письма респондентов, собственные изыскания Мельникова, публикации маргиналий Рыжего и т. д.) в единое целое, не выдерживающее на всем протяжении общей нормы условности, которая характерна для традиционного, классического художественного письма. Жанровая неопределенность, маргинальность замысла Мельникова оказывается не столько признаком его литературного и исследовательского дилетантизма, сколько показателями того, что мы имеем дело с субъективностью не автора, но героя-повествователя / героя-рассказчика, вошедшего в роль писателя-биографа – выстраивающего, творящего на наших читательских глазах книгу.

Такие черты, как страстная увлеченность Борисом Рыжим («...весной 2003 года, – пишет Мельников в письме Н. Смирновой, – мне попала в руки книга Б. Рыжего „Стихи 1993–2001“. Заболев Борей, я начал читать и слушать всех, кто писал и говорил о нем хоть слово...» (191)), склонность к подчас «бессистемному коллекционированию околотекстуального и биографического материала» (Ю. М. Лотман), в которой Мельникова упрекал О. Дозмороз и рецензент Б. Кутенков и в которой – словно мельниковский двойник – его поддерживает персонаж-респондент В. Блинов, доводя ее до абсурдности («О всякой значительной личности после ее смерти важными становятся любые детали, которые хоть как-то характеризуют этого человека, этого талантливого поэта. В данном случае – Бориса Рыжего. <...> Ведь это как с А. С. Пушкиным – настолько он родным для нас стал человеком, что нам важно все! Когда у него болели зубы? С кем он был знаком? Любил ли он персики...» (130–131)), маниакальность в отношении различного рода подсчетов – от сроков прожитой поэтом жизни («...То есть он прожил 26 лет и 8 месяцев (без 1 дня)» (14)) до опечаток и ошибок в письмах возмущенных респондентов («...в письме – три тысячи знаков и двадцать две ошибки» (295)), – все эти черты составляют портрет Мельникова прежде всего как *литературного героя* – одержимого книгой о Б. Рыжем «биографа». Причем эта роль, словно по образцу Ры-

жего с его лирическим героем – «поэтом-пьяницей и хулиганом», – разыгрывается Мельниковым не только в непосредственно текстуальном поле произведения / книги, но и за его пределами, на уровне литературного быта (презентация себя как «рыжеведа», попытки сотрудничества с журналом «Урал» и проведения литературных вечеров в библиотеках и книжном магазине, реклама своей книги в интернете и т. д.).

На выражение субъективности Мельникова как героя-повествователя работают и «несовершенства» повествовательной организации основной части его книги. Так, например, логика следования глав – традиционно задающая нарастание интриги (в случае Рыжего с его до конца необъяснимым уходом логика, пожалуй, необходимая) – на деле оказывается подчинена буквалистской приверженности героя-биографа хронологическому порядку. Располагая интервью-воспоминания своих персонажей-респондентов в зависимости от года и месяца их знакомства с Рыжим, он помещает в конце основной части книги – т. е. в заведомо сильной позиции – почти «пустую» с точки зрения свидетельств о поэте главу: преимущественно автобиографический монолог Кейса Верхейла, который знал Рыжего по одной очной встрече и серии телефонных бесед. На это Мельникову – уже как автору – указывает в своем письме потенциальный издатель: «Весь фрагмент от лица голландца, за исключением буквально пары абзацев, вообще не имеет отношения к теме. Я б только эту пару абзацев и оставил...» (304) – его совет игнорируется, а само письмо, наряду с другими эпистолярными материалами, затрагивающими подготовку книги о Рыжем, «втягивается» в единое целое книги на уровне эксплицирующего метасюжета паратекста, выросшего к третьему изданию до отдельного раздела под названием «Введение в библиографию». «Пустой» глава Верхейла выглядит в особенности на фоне большого и живого диалога по электронной почте с прозаиком Натальей Смирновой (гл. XVII), сюжетно охватывающем почти всех персонажей предшествующих и последующих глав вместе с самим Мельниковым в роли биографа и – наряду с упомянутым письмом О. Дозмороза – авантюрно включенном в книгу без ведома автора¹.

В перспективе развития глубинного метасюжета мельниковской книги – сюжета «создания Книги» – также не все кажущиеся на первый взгляд «пустыми» повествовательные ходы являются таковыми. В частности, глава XIII, представляя собой долгие, упорные попытки Мельникова дописаться до своего адресата А. Б. (члена местного Союза писателей Арсена Борисовича Титова), и его короткий формальный ответ, позволяет герою-«расследователю» выступить полноправным рассказчиком *своей* истории: «...За восемь лет (2003–2011) я выслушал и записал десятки длинных и кратких мемуаров от десятков же людей, видевших Б. Рыжего (хотя бы мельком) в редакции журнала „Урал“, в здании

¹ За исключением начальных страниц (185–195), дублирующих напечатанное ранее в журнале «Урал» (см.: [Вспоминая... 2011: 150–155]), большая часть переписки изначально на публикацию рассчитана не была; см.: «Алексей»: «...» Это не для публикации, верно? Как и большая часть данного письма... – Н<аталья>: Нет, не для публикации» (197).

Горного института, в редакции „Уральского следопыта», на филфаке Уральского университета и так далее. За это увлечение в редакции „Журнала“ меня прозвали „рыжевед“. В феврале 2011 года, задумав материал, посвященный 10-летию гибели Б. Рыжего, редакция „Журнала“ обратилась ко мне. Какова была моя цель? Собрать как можно больше сведений о том, каким был Б. Рыжий в жизни» (154). Далее, в гл. XVII, «писательская» история Мельникова и его книги проявится в качестве самостоятельной сюжетной линии в переписке с Н. Смирновой: «...Вот как раз прямых вопросов я не задавал! – пишет Мельников про сбор сведений о Рыжем. – Мой исследовательский метод – это следовательский метод. А ля Глеб Жеглов – он же В. Высоцкий: „Оперативник, что свидетелю в душу влезть не может, даром хлеб ест“. Говоря о чем попало, располагаю человека к себе. Очень тонко толкаю к интересной мне теме. И вот уже собеседник пустился в монолог. А я лишь слежу за диктофоном и кассеты меняю» (211).

Отмеченные повествовательные ходы в первом издании намечают появление в третьем большой венчающей книгу главы «Алексей Мельников. История с мифологией» – своего рода эпоса о Книге с потенциальным продолжением. Открывающийся взгляд на книгу «Введение в мифологию» в перспективе ее становления – в сопоставлении с рядом предшествующих публикаций, начиная с материалов в журнале «Урал», позволяет увидеть в объеме и динамике этот сравнимый с квестовым сюжет поисков разного рода сведений, воспоминаний о биографируемом лице и последующей их публикации вопреки различным препонам, которые чинит герою судьба в лице возмущенных родственников, ближайших друзей поэта (см.: (206, 199–200)) или цинично сокращающей рукопись редакции журнала «Урал»... В общих очертаниях сюжетная канва оказывается очень знакомой – прежде всего по роману В. Набокова «Истинная жизнь Севастьяна Найта» (по странному совпадению также состоящему из 20 глав). Внешний сюжет романа – «расследование, которое предпринимает герой-повествователь (скрыт за инициалом „В.“ – Т. А.), решивший написать книгу об „истинной“ жизни своего сводного брата <...> Настойчиво пытаюсь воссоздать из осколков разрозненных впечатлений, смутных воспоминаний и противоречивых свидетельств цельный образ Севастьяна Найта, повествователь тщательно вычитывает биографический подтекст в книгах своего брата, ловит в них „редкие проблески личных признаний“ и в то же время с дотошностью заправского сыщика разыскивает многих Севастьяновых знакомых, способных добавить хотя бы одну драгоценную черточку к создаваемому портрету» [Мельников 2014: 65].

Являющий собой – в лучших традициях набоковской прозы – плод иронического и пародийного самосознания литературы, в частности, таких ее массовых жанров, как детектив (см.: [Мельников 2014]) и романизованная биография (см.: [Барабтарло 2011: 178]), этот роман высвечивает всю «литературность» и культурную предопределенность современной истории Алексея Мельникова – и как субъекта той части литературной жизни провинции, что вращается вокруг имени Бориса Рыжего, и как детектива-биографа, следую-

щего по пятам своего героя и пишущего книгу о том, как он пишет книгу об известном литераторе¹.

Помимо внешнего абриса ситуации биографического расследования и связанных с ним перипетий книга Мельникова невольно заимствует из «Истинной жизни...» такие структурно-повествовательные элементы, как: 1) характерные для набоковского романа т. н. «ложные ходы»: в качестве такового может быть рассмотрена гл. XV – воспоминания А. Верникова и И. Трубецкой, которые, как затем выясняется из писем О. Дозморова и Н. Смирновой, содержат очевидную ложь (см.: (180–181, 202)), в частности – в изложении событий последних дней Рыжего и его похорон; 2) фигура «ненадежного рассказчика», в роли которой предстает повествователь-Мельников, помещая на одном уровне с условно авторизованными воспоминаниями конкретных лиц анонимные байки о Рыжем (гл. XX), сопровождаемые в третьем издании откровенно игровой датировкой: «Записано 7 мая 2001 – 8 сентября 2016» (день гибели Рыжего – день его рождения в год выхода книги Мельникова) (243), а также ставя под сомнение подлинность опубликованных им в гл. I и XV воспоминаний О. Рыжей, А. Верникова и И. Трубецкой включением в книгу их писем: респонденты возмущены степенью искажения их текста в ходе расшифровки аудиозаписей (см.: (291–294, 298–300)); 3) мерцающий мотив «предсказания» в произведениях покойного писателя истории его будущего биографа (см. об этом: [Набоков 2009: 16; Мельников 2014: 67–70]), ср.: образ идущих по следу придуманного Рыжим лирического героя в стихотворении «Мой герой ускользает во тьму. / Вслед за ним устремляются трое. / Я придумал его потому...» и – заявленную в аннотации книги задачу Мельникова «исследовать сложную и противоречивую натуру...»; или – почти полицейский детектив, эскизно обозначенный в стихотворении Рыжего «Трижды убил в стихах реального человека...»: «...Кто вальнул Бориса? Кто его знает, кто! <...> ...В районной библиотеке засопят над журналами / люди из МВД» – и сравнение себя с Глебом Жегловым в одном из писем Мельникова.

Кроме того, поразительны случаи совершенно незапрограммированного отражения некоторых образов и ситуаций из романа Набокова. Так, история молодого Севастьяна и странной эксцентричной пары во главе с эпатирующим публику поэтом Алексеем Паном («Для чего он пристал к этому балагану и что на самом деле побудило его сойтись с этой нелепой парой, было полнейшей загадкой» [Набоков 2009: 47]) перекликается с историей отношений Рыжего с эпатажным «экстремалом», как он определил его в «Роттердамском дневнике», А. Верниковым и его супругой И. Трубецкой (см.: (165–177, 180, 197)). В образе господина Гудмана («конкурента» набоковского В.), не бывшего близким другом Найта, но сразу после его смерти написавшего его биографию, предстает Ю. В. Казарин в беседе Мельникова и Смирновой (см.: (211–212, 215–216)). Упрек биографу Найта, звучащий из уст мадам Лесерф (она же Нина Туровец, она же – Нина де Речной): «Я думаю, что

¹ Ср.: «...„Истинная жизнь Севастьяна Найта“ на глазах превращается в книгу о том, как „В.“ сочиняет роман о Севастьяне...» [Барабтарло 2011: 158].

писать книгу о знакомых тебе людях куда честнее, чем натаскать отовсюду разных сплетен о них, а потом выдавать все это за свое сочинение!» [Набоков 2009: 189] удивительно напоминает цитируемые Мельниковым слова Ольги Рыжей (она же Ольга Сосновская¹) из письма: «Ты уверен, что это так уж необходимо – собирать грязные сплетни по подворотням, плюя на чувства родных?...» (299).

Однако главное, что сближает книгу «Введение в мифологию» со столь далеким от нее в художественном плане романом «Истинная жизнь Севастьяна Найта» – это невольное, неосознанное но в каком-то смысле неизбежное воспроизведение Мельниковым глубинного механизма страсти детектива-биографа, вскрытого Набоковым в финале романа, – бесконечного приближения себя к герою биографии вплоть до отождествления с ним: «...<я узнал, что> душа есть только образ бытия – а не неизменное состояние – и что любая душа может быть твоей, если найти частоту ее колебаний и вписаться в нее. Мир иной – это, может быть, полномерная способность сознательно жить в любой выбранной душе, в любом количестве душ, не сознающих этого взаимозаменяемого бремени. Посему: я – Севастьян Найт» [Набоков 2009: 249]. Определение Ю. И. Левина, данное набоковскому роману, применимо и к книге Мельникова: это – «роман-guest со специфической „квестовой“ рамочной структурой <...> Парадоксальность романа в том, что в процессе поиска искомое ускользает и даже если проясняется в каких-то отношениях, то затемняется в других; в конце романа потерпевший неудачу ищущий компенсирует себя самоотождествлением с искомым» [Левин 1998: 379–380]. В случае Мельникова отождествление происходит через *литературную мистификацию* – присвоение имени Рыжего, – которая обнаруживается внимательным читателем в пратексте уже первого издания книги. Это – размещенные в конце «Записи Б. Рыжего на книге Л. Шестова» (о существовании которых известно со слов О. Дозморова (148)) и «Отзыв Б. Рыжего на спектакль „Крепость“ (по пьесе Кобо Абэ)». Таким образом, Мельников проходит путь от немногословного фиксатора чужих воспоминаний, с переменным успехом направляющего ход мысли респондентов в нужное ему русло, – до героя-повествователя своего рода полифонического романа, выстроенного на базе дискурсивного монтажа, но не просто «исследующего противоречивую натуру поэта» (в «центральном вопросе» для него понятную: «Отчего человек погиб? Не вопрос! Я сам без восторга отношусь к жизни как таковой. Стирка носков, мытье тарелок, коньяк, шашлык, табак. Не говоря о процессах обратных! Пойму, что состоялся как писатель – уйду без сожаления, хоть в тот же день. „Утром постигнув истину, вечером можно помирать!“ Это про таких, как мы с Борей. Я не о таланте, я про тип личности говорю» (211)), а – более того – берущего на себя право написать за поэта то, что могло бы быть / было им написано. В этот же ряд встают тексты, кото-

рые, как отмечается на последней странице издания 2016 г., «готовятся к публикации» – в замаскированный под типовой элемент издания перечень готовящихся к печати текстов Мельников включает как реально существующие, но необнародованные письма Бориса к сестре Ольге, поэту А. Леонтьеву, пометки на полях книги В. Гандельсмана, так и потенциальные тексты – те, которых нет, но которые диктуются хроникой жизни поэта как возможные: дневниковые записи («черновики», как именует их Мельников), фиксирующие те или иные известные события из жизни Рыжего (поездки на геофизическую практику, участие в литературных съездах и т. д.)².

Не исключено, что наряду с публикацией баек о Рыжем в гл. XX, условно санкционированных самим поэтом при жизни (см. воспоминание Н. Смирновой из материалов Мельникова: «...Он полчаса травил байки про Рыжего. Они были как из плутовского романа: как Рыжий того надул, тех обвел, там соврал, а тут был пойман, но ловко вывернулся. И видно было, что парень этот Борьку нежно любит. Истории были смешные и похожие на непридуманные – Рыжий смеялся. Был счастлив» [Вспоминая... 2011: 154]), литературная мистификация Мельникова замышлялась как перевернутое отражение известных игровых жестов Рыжего вроде описанного в «Роттердамском дневнике»: «Отбарабанил положенное количество стихотворений, аплодировали. <...> Кроме своих, прочитал „У статуи Родена мы пили спирт-сырец – художник, два чекиста и я, полумертвец...“ (Вл. Луговского. – Т. А.). Проканало, никто ничего не понял, даже Рейн» [Рыжий 2004: 404]. С другой стороны, нельзя игнорировать и настоятельный императив нонфикционального – биографического или научно-исследовательского – издания, по традиции «украшаемого» ценными первопубликациями в приложениях. Доведение первоначального стремления к истинности до абсурда путем размещения на правах архивных документов выдуманных текстов явилось, таким образом, своеобразным актом художественного, эстетического завершения Книги как целого.

Вопреки стилистической неубедительности мистификации (и в этом автор «Введения в мифологию» отражает уже другого набоковского героя – Германа из романа «Отчаяние»), на которую решается Мельников, отчаявшись когда-либо получить доступ к архиву поэта, ему удается ввести читателей в заблуждение: Алексей Бокарев, рецензирующий книгу на страницах «Вопросов литературы», воспринимает отзыв на спектакль «Крепость» как подлинный: «Отдельного упоминания заслуживает Приложение, где опубликован отзыв, написанный Рыжим на спектакль „Крепость“ по пьесе Кобо Абэ, – пишет А. Бокарев. – Трагедия протагониста осмыслена в нем как выпадение из времени – и в этом легко усмотреть композиционную рифму к

¹ В гл. XVII сестра Б. Рыжего по невнимательности автора фигурирует не как О. Р., а под фамилией мужа и омонимично совпадает с О. С. – Ольгой Славниковой, упоминающийся на одних с ней страницах (см.: (206)).

² Неудивительно, что подобный перечень под заглавием «...готовятся к публикации», впервые появившись, по всей видимости, в одной из самиздатских брошюр 2013 г., вызвал негодование родных Б. Рыжего: «...нам ведь, мягко говоря, неприятно, когда М<ельников> <...> обещает опубликовать рукописи Бориса, КОТОРЫХ НЕТ. Да и были бы – кто ему дал бы? Врет, нагло врет... И опубликует, а вы будете читать...» [Родыгина 2013].

судьбе самого поэта (в книге неоднократно подчеркивается, что в эпохе „около ноля“ ему не было места...)» [Бокарев 2018: 395].

* * *

Несмотря на то, что литературность книги Мельникова носит, несомненно, кондициональный характер, опыт ее прочтения как своеобразного литературно-художественного произведения (охватывающего собой структурные элементы книжного издания вплоть до названия несуществующего издательства¹), воспроиз-

водящего сюжетную схему биографического детектива и удивительным образом «предсказанного» романом В. Набокова «Истинная жизнь Севастьяна Найта», позволяет говорить о роли Алексея Мельникова в поле функционирования биографического мифа Бориса Рыжего как о культурно и структурно заданной. «Потребность сохранить биографию того, кто в данной системе занял место „человека с биографией“, определяемая М. Ю. Лотманом как *культурный императив*, не только «приводит к рождению... мифологических, анекдотических и тому подобных псевдобиографий... рождает сплетни и спрос на мемуарную литературу» [Лотман 1992: 367], но и формирует свою нишу для такой культурной роли, как одержимый написанием книги детектив-биограф.

¹ В Уфе существует детский журнал «Акбузат», издательства – нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Барабтарло Г. Смерть как вопрос стиля. См. под звездочкой (Тайна Найта) // Барабтарло Г. Сочинение Набокова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 145–179.
- Бокарев А. А. Мельников. Борис Рыжий: Введение в мифологию. Уфа: Акбузат, 2016. 268 с.: [рец.] // Вопросы литературы. – 2018. – № 1. – С. 394–395.
- Борис Рыжий. Вспоминают очевидцы / подгот. А. Мельников // Сибирские огни. – 2012. – № 1. – Режим доступа: magazines.russ.ru/sib/2012/1/r15.html (дата обращения: 12.05.2019).
- Вспоминаю Бориса Рыжего / материал подгот. Алексей Мельников // Урал. – 2011. – № 5. – С. 131–155.
- Дозморов О. Премия «Мрамор» // Знамя. – 2006. – № 2. – Режим доступа: znamlit.ru/publication.php?id=2873 (дата обращения: 30.04.2019).
- Дозморов О. Герой на грани последнего решения // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сб. науч. ст. и докл. / под ред. Н. Л. Быстровой, Т. А. Арсеновой. – М.: Екатеринбург, 2015. – С. 129–140.
- Зенкин С. Н. От текста к культуре // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель: сб. ст. / отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 133–140.
- Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 310 с.
- Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий. – 2-е изд., доп. – М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – 324 с.
- Казарин Ю. В., Мухина И. К. Внутренний и внешний мир поэта Бориса Рыжего // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 5–12.
- Travellersjoy <Кокотов А.>. Совсем неизвестные письма Б. Р. [Опубл. 18.05.2013]. – Режим доступа: travellersjoy.livejournal.com (дата обращения: 19.05.2013). (Запись удалена).
- Комаров К. «Мой герой ускользает во тьму...»: [рец. на кн.: Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий камень. М., 2015] // Октябрь. – 2016. – № 3. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2016/3/moj-geroj-uskolzaet-vo-tmu.html (дата обращения: 07.05.2018).
- Кузин А. В. Следы Бориса Рыжего: заметки из дневника. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 104 с.
- Кутенков Б. Не из области музыки: [рец. на кн.: Мельников А. Борис Рыжий. Введение в мифологию. Уфа, 2016] // Знамя. – 2017. – № 6. – Режим доступа: magazines.russ.ru/znamia/2017/6/ne-iz-oblasti-muzyki.html (дата обращения: 02.05.2018).
- Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира Вл. Набокова // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 323–391.
- Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 365–376.
- Магомедова Д. М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (статья первая) // Новый филологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 66–77.
- Марков В. Легенда о Есенине // Марков В. Очерк истории русского имажинизма (1919–1927). – М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – С. 307–352.
- А. М. <Мельников А.>. Борис Рыжий. Вспоминают очевидцы. – Екатеринбург, 2012. – 118 с. (Самиздат).
- Мельников А. «В осенний вечер, проглотив стакан плохого алкоголя...»: (воспоминания о Борисе Рыжем) // Земляки: нижегородский альманах. – Н. Новгород: Книги, 2013. – Вып. 15. – С. 194–207.
- Мельников А. Борис Рыжий. Введение в мифологию. – Уфа: Акбузат, 2016. – 268 с.
- Мельников А. Борис Рыжий. Введение в мифологию. – 3-е изд., испр. и доп. – Уфа: Акбузат, 2017. – 314 с.
- Мельников Н. Г. «Детектив, принятый всерьез...» Философские «антидетективы» В. В. Набокова // Мельников Н. Г. О Набокове и прочем: статьи, рецензии, публикации. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 59–73. – (Науч. прил.; вып. СXXXI).
- Набоков В. В. Истинная жизнь Севастьяна Найта / пер. с англ. и предисл. Г. Барабтарло. – СПб.: Изд. гр. «Азбука-классика», 2009. – 288 с.
- Окунь М. «Живите жизнь...». Два письма Бориса Рыжего // Крешатик. – 2010. – № 3 (49). – Режим доступа: www.kreschatik.kiev.ua/49/26.htm (дата обращения: 30.04.2019).
- «Просканируют» стихи Рыжего // Вечерний Екатеринбург. – 2013. – 9 нояб. – Режим доступа: xn----8sdbbiabboahp1b12bid6azze.xn--r1ai/news/entertainment/12540-proskanirujut-stihi-uzhego.html (дата обращения: 27.05.2019).
- Пурин А. «Поэт относится к богу с профессиональным пониманием...»: к 42-летию Бориса Рыжего // Литература. – 2016. – № 88, 21 сент. – Режим доступа: literatura.org/issue_publicism/1936-aleksey-purin-poet-otnositsya-k-bogu-s-professionalnym-ponimaniem.html (дата обращения: 07.05.2018).
- Рейтблат А. И. Биографируемый и его биограф. (К постановке проблемы) // Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биофике, социологии и истории литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 179–188. – (Науч. прил.; вып. СXXXIV).
- Родыгина (Рыжая) О. Мельников, блин... // Борис Рыжий. From Sverdlovsk with love: группа ВКонтакте. – 2013. – 7 нояб. – Режим доступа: vk.com/topic-2126672_29501508 (дата обращения: 21.05.2019).
- Рыжий Б., Миллер Л. Переписка. 12.03.2001 – 30.04.2001 // Урал. – 2003. – № 6. – Режим доступа: magazines.russ.ru/ural/2003/6/r1.html (дата обращения: 30.04.2019).
- Рыжий Б. Оправдание жизни. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 832 с.

- Тагильцев А. В. «Роттердамский дневник»: к вопросу о жанровой природе текста Бориса Рыжего // Русская литература XX–XXI вв.: направления и течения: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. В. Барковская. – Екатеринбург: [УрГПУ], 2009. – Вып. 11. – С. 140–145.
- Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. – 1923. – № 4 (28). – С. 6–9.
- Томашевский Б. В. Биография // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – С. 43–53.
- Славникова О. Призрак Лермонтова // Октябрь. – 2000. – № 7. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2000/7/slavnik.html (дата обращения: 02.05.2018).
- Урал. – 2011. – № 5. – Режим доступа: uraljournal.ru/journal-2011-5 (дата обращения: 24.05.2019).
- Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий камень. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 382 с. – (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 86).
- Шаповал С., Рыжий Б. Поэт из дома бывших заключенных. Лауреат Антибукера поэт Борис Рыжий собирается стать сентиментальным: [интервью] // Независимая газета. – 2000. – 15 марта.

REFERENCES

- Barabtarlo, G. (2011). *Smert' kak vopros stilya. Sm. pod zvezdochkoy (Tayna Nayta)*. [Death as a Matter of Style. See under the Asterisk (The Secret of Knight)]. In Barabtarlo, G. *Sochinenie Nabokova*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, pp. 145–179.
- Bokarev, A. (2018). A. Mel'nikov. Boris Ryzhiy: Vvedenie v mifologiyu. [Melnikov. Boris Ryzhiy: Introduction to Mythology]. Ufa: Akbuzat, 2016. 268 p. Review. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 394–395.
- Boris Ryzhiy. *Vspominayut ochevidttsy*. [Boris Ryzhiy. Eyewitnesses Remember] (2012), prepared by A. Melnikov. In *Sibirskie ogni*. No. 1. URL: magazines.russ.ru/sib/2012/1/115.html (mode of access: 12.05.2019).
- Dozmorov, O. (2006). *Premiya «Mramor»*. [The Prize “The Marble”]. In *Znaniya*. No. 2 [website]. URL: znanlit.ru/publication.php?id=2873 (mode of access: 30.04.2019).
- Dozmorov, O. (2015). *Geroy na grani poslednego resheniya*. [The Character on the Verge of the Last Decision]. In Bystrov, N. L., Arsenova, T. A. (Eds.). *Boris Ryzhiy: poetika i khudozhestvennyi mir: sbornik nauchnykh statei i dokladov*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 129–140.
- Falikov, I. (2015). *Boris Ryzhiy. Divii kamen'*. [Boris Ryzhiy. The Divy Stone]. Moscow, Molodaya gvardiya. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: Malaya seriya: seriya biograficheskaya. Vol. 86. 382 p.
- Kazarin, Yu. V. (2009). *Poet Boris Ryzhiy*. [The Poet Boris Ryzhiy]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 310 p.
- Kazarin, Yu. V. (2016). *Poet Boris Ryzhiy*. [The Poet Boris Ryzhiy]. 2nd edition, updated. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 324 p.
- Kazarin, Yu. V., Mukhina, I. K. (2017). *Vnutrenniy i vneshniy mir poeta Borisa Ryzhego*. [The Inner and Outer World of the Poet Boris Ryzhiy]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika*. Vol. 14. No. 3, pp. 5–12.
- Travellersjoy <Kokotov A.> (2013). *Sovsem neizvestnye pis'ma B. R.* [Opubl. 18.05.2013]. Completely Unknown Letters of B. R. In *Livejournal* [website], published 2013, May 18. URL: travellersjoy.livejournal.com (mode of access: 19.05.2013). (Post deleted).
- Kotarov, K. (2016). «Moy geroy uskol'zaet vo t'mu...»: [rets. na kn.: Falikov I. Boris Ryzhiy. Divii kamen'. M., 2015]. [“My Character Slips into Darkness...”. Review]. In *Oktyabr'*. No. 3 [website]. URL: magazines.russ.ru/october/2016/3/moj-geroy-uskolzaet-vo-tmu.html (mode of access: 07.05.2018).
- Kutenkov, B. (2017). *Ne iz oblasti muzyki: [rets. na kn.: Mel'nikov A. Boris Ryzhiy. Vvedenie v mifologiyu. Ufa, 2016]*. [Not from the Category of Music. Review]. In *Znaniya*. No. 6 [website]. URL: magazines.russ.ru/znamia/2017/6/ne-iz-oblasti-muzyki.html (mode of access: 02.05.2018).
- Kuzin, A. V. (2003). *Sledy Borisa Ryzhego: zametki iz dnevnika*. [The Traces of Boris Ryzhiy: Diary Notes]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 104 p.
- Levin, Yu. I. (1998). *Bispatsial'nost' kak invariant poeticheskogo mira Vl. Nabokova*. [Bispacialism as an Invariant of V. Nabokov's Poetic World]. In Levin, Yu. I. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 323–391.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom kontekste. (K tipologicheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora)*. [Literary Biography in a Historical and Cultural Context. (To the Typological Correlation of the Text and the Author's Personality)]. In Lotman, Yu. M. *Izbrannyye stat'i v 3 tomakh*. Tallin, Aleksandra. Vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury, pp. 365–376.
- Magomedova, D. M. (2005). «Ya odin... i razbitoe zerkalo...»: literaturnye maski Sergeya Esenina (stat'ya pervaya). [“I am Alone... and a Broken Mirror...”: Sergey Yesenin's Literary Masks (Article 1)]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 66–77.
- Markov, V. (2017). *Legenda o Esenine*. [The Legend of Yesenin]. In Markov, V. *Ocherk istorii russkogo imazhinizma (1919–1927)*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 307–352.
- A. M. <Mel'nikov A.> Boris Ryzhiy. *Vspominayut ochevidttsy*. [Boris Ryzhiy. Eyewitnesses Remember] (2012). Ekaterinburg. 118 p. (Samizdat).
- Mel'nikov, A. (2013). «V osenniy vecher, proglotiv stakan plokhogo alkogolya...»: (vospominaniya o Borise Ryzhem). [“In the Autumn Evening, Having Swallowed a Glass of Bad Alcohol...”: (Memories of Boris Ryzhiy)]. In *Zemlyaki. Nizhegorodskii al'manakh*. Nizhnii Novgorod, Knigi. Vol. 15, pp. 194–207.
- Mel'nikov, A. (2016). *Boris Ryzhiy. Vvedenie v mifologiyu*. [Boris Ryzhiy. Introduction to Mythology]. Ufa, Akbuzat. 268 p.
- Mel'nikov, A. (2017). *Boris Ryzhiy. Vvedenie v mifologiyu*. [Boris Ryzhiy. Introduction to Mythology]. 3rd edition, revised and updated. Ufa, Akbuzat. 314 p.
- Mel'nikov, N. G. (2014). «Detektiv, prinyatyy vser'ez...» Filosofskie «antidetektivy» V. V. Nabokova. [“A Detective Taken Seriously...” V. Nabokov's Philosophical “Anti-Detectives”]. In Mel'nikov, N. G. *O Nabokove i prochem. Stat'i, retsenzii, publikatsii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Scientific application. Vol. CXXXI, pp. 59–73.
- Nabokov, V. V. (2009). *Istinnaya zhizn' Sevast'yana Naita*. [The Real Life of Sebastian Knight] / transl. from English and foreword by G. Barabtarlo. St. Petersburg, Izdatel'skaya gruppa “Azbuka-klassika”. 288 p.
- Okun', M. (2010). «Zhivite zhizn'...». Dva pis'ma Borisa Ryzhego. [“Live Life...” Two Letters from Boris Ryzhiy]. In *Kreshchatik*. No. 3 (49) [website]. URL: www.kreshchatik.kiev.ua/49/26.htm (mode of access: 30.04.2019).
- «Proskaniruyut» stikhi Ryzhego. [Ryzhiy's Verses will be “Scanned”] (2013). In *Vechernii Ekaterinburg*. November 9 [website]. URL: xn---8sbd-biiabbaehp1b2bid6azze.xn--p1ai/news/entertainment/12540-proskaniruyut-stihi-ryzhego.html (mode of access: 27.05.2019).
- Purin, A. (2016). «Poet otносит'sya k bogu s professional'nym ponimaniem...»: k 42-letiyu Borisa Ryzhego. [“The Poet Professionally Understands the God...”: on the 42nd Anniversary of Boris Ryzhiy]. In *Literatura*. No. 88, September 22 [website]. URL: literatura.org/issue_publicism/1936-aleksey-purin-poet-otnosit'sya-k-bogu-s-professionalnym-ponimaniem.html (mode of access: 07.05.2018).
- Reitblat, A. I. (2014). *Biografiemu i ego biograf*. [The Biographed and his Biographer. (On Setting the Problem)]. In Reitblat, A. I. *Pisat' poper-ek. Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Scientific application. Vol. CXXIV, pp. 179–188.
- Rodygina (Ryzhaya), O. (2013). O. Mel'nikov, blin... [Oh, Melnikov...]. In *Boris Ryzhiy. From Sverdlovsk with love* [VK group]. URL: vk.com/top-ic-2126672_29501508 (mode of access: 21.05.2019).
- Ryzhiy, B. (2004). *Opravdanie zhizni*. [The Life Justification]. Ekaterinburg, U-Faktoriya. 832 p.
- Ryzhiy, B., Miller, L. (2003). *Perepiska. 12.03.2001–30.04.2001. [12.03.2001–30.04.2001 Correspondence]*. In *Ural*. No. 6 [website]. URL: magazines.russ.ru/ural/2003/6/r1.html (mode of access: 30.04.2019).
- Shapoval, S., Ryzhiy, B. (2000). *Poet iz doma byvshikh zaklyuchemykh. Laureat Antitbukera poet Boris Ryzhiy sobiraetsya stat' sentimental'nym: [interview]*. [The Poet from the House of Former Prisoners. Antibuker Laureate Poet Boris Ryzhiy is about to Become Sentimental. Interview]. In *Nezavisimaya gazeta*. March 15.

Arsenova T. A. "The Real Life of... Boris Ryzhy": on the Book "Boris Ryzhy. Introduction to Mythology" by Alexey Melnikov

Slavnikova, O. (2000). *Prizrak Lermontova*. [Lermontov's Ghost]. In *Oktyabr'*. No. 7 [website]. URL: magazines.russ.ru/october/2000/7/slavnik.html (mode of access: 02.05.2018).

Tagil'tsev, A. V. (2009). «Rotterdamskiy dnevnik»: k voprosu o zhanrovoy prirode teksta Borisa Ryzhego. ["The Rotterdam Diary": on the Question of Boris Ryzhy's Text Genre]. In Barkovskaya, N. V. (Ed.). *Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya. Sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Vol. 11, pp. 140–145.

Tomashevskii, B. V. (1923). *Literatura i biografiya*. [Literature and Biography]. In *Kniga i revolyutsiya*. No. 4 (28), pp. 6–9.

Tomashevskii, B. V. (1990). *Biografiya*. [Biography]. In Tomashevskii, B. V. *Pushkin. Raboty raznykh let*. Moscow, Kniga Publ., pp. 43–53.

Ural (2011). No. 5 [website]. URL: uraljournal.ru/journal-2011-5 (mode of access: 24.05.2019).

Vspominaya Borisa Ryzhego. [Remembering Boris Ryzhy] (2011), prepared by Alexey Melnikov. In *Ural*. No. 5, pp. 131–155.

Zenkin, S. N. (2011). *Ot teksta k kul'tu*. [From Text to Cult]. In Nad'yarnykh, M. F., Urakova, A. P. (Eds.). *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel': sbornik statei*. Moscow, Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk, pp. 133–140.

Данные об авторе

Арсенова Татьяна Анатольевна – научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, сектор истории литературы (Екатеринбург).

Адрес: 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: chelovekmira@mail.ru.

Author's information

Arsenova Tatiana Anatol'evna – Research Fellow, Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Sector of History of Literature (Ekaterinburg).